

Хуана Австрийская

Дамир Янсуйфин Хуана Австрийская

<https://litres.ru/74175898>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она родилась дочерью императора, а в семнадцать лет уже управляла Испанией. В девятнадцать стала вдовой, в двадцать — матерью, разлучённой с сыном. Её брат, король Филипп II, не доверял никому, кроме неё. Но никто при дворе не знал её главной тайны: однажды ночью она принесла обет, который не имела права приносить женщина, и стала Матео Санчесом — единственным в истории тайным иезуитом под мужским именем.

Это не просто биография. Это взгляд автора на женщину, которую история запомнила лишь как сестру и дочь великих мужчин, но которая сама была великой. Без прикрас, но с любовью. Без вымысла, но с живым чувством. История о власти и одиночестве, вере и тайне, и о том, как остаться собой, когда весь мир ждёт, что ты сломаешься.

Дамир Янсуфин

Хуана Австрийская

Аннотация

Хуана Австрийская: Тень императора, сердце империи

Она родилась дочерью самого могущественного человека в мире. Её мать умерла, когда ей было четыре года. Её бабушку называли Безумной и держали в заточении. Её брат стал королём-пауком, подозрительным и одиноким. А она сама в семнадцать лет управляла Испанией, в девятнадцать стала вдовой, в двадцать один — регентом величайшей империи, над которой никогда не заходило солнце.

Она дружила с иезуитами. Она переписывалась с Игнатием Лойолой. И однажды ночью, в тайной часовне, принесла обет, который не должна была приносить женщина. Под мужским именем — Матео Санчес — она стала единственной в истории женщиной, официально принятой в Общество Иисуса.

Она построила монастырь в центре Мадрида, который до сих пор хранит её тайну. Она любила одного мужчину и потеряла его. Она родила сына и потеряла его тоже — сначала в разлуке, потом навсегда. Она была тенью короля, тенью императора, тенью в истории. Но эта тень оказалась долговечнее многих статуй.

Эта книга — не просто биография. Это историческое исследование, написанное с искренней любовью к героине. Автор не пересказывает сухие факты — он оживляет их, добавляя своё видение, свои размышления, свою интонацию. Он спорит с историками, додумывает там, где документы молчат, и задаёт вопросы, на которые нет однозначных ответов.

Почему Хуана Австрийская, имея всё — власть, титулы, богатство, — добровольно отказалась от этого ради тайного служения? Как ей удалось обойти устав сурового мужского ордена? Что она чувствовала, стоя над колыбелью сына, которого у неё отнимали? И кем она была на самом деле — хладнокровным политиком, глубоким мистиком или женщиной, которая просто хотела, чтобы её любили?

Автор предлагает свою версию. Не истину в последней инстанции, но приглашение к размышлению. Взгляд на историю не как на пыльный архив, а как на живую драму, которая разворачивается здесь и сейчас.

Для всех, кто любит историю не меньше, чем литературу. Для тех, кто ищет в прошлом не только факты, но и чувства. Для тех, кто верит, что за каждым великим мужчиной стоит великая женщина — но иногда она стоит не позади, а рядом. Или даже впереди.

Пролог: Кто такая Хуана Австрийская?

В котором автор объясняет, почему эта женщина заслуживает целой книги, и рисует её портрет — словами, а не красками.

Если вы никогда не слышали о Хуане Австрийской — не корите себя. Она сама этого хотела. Она прожила жизнь в тени своего отца, императора Карла V, и своего брата, короля Филиппа II. Она не стремилась к славе, не позировала для парадных портретов, не оставила мемуаров. Она сделала всё, чтобы её имя забыли.

И всё же оно сохранилось. Потому что иногда самые интересные люди — это те, кто прячется на заднем плане.

Давайте для начала разберёмся с именем. Почему «Австрийская»?

Ответ прост и сложен одновременно. Хуана никогда не была в Австрии. Она родилась в Толедо, в самом сердце Кастилии. Она выросла при испанском дворе. Она говорила по-испански и немного по-латыни. Но её семья — Габсбурги — происходила из Австрии, и по династической традиции всех отпрысков этого рода называли «Австрийскими», по месту происхождения династии, а не по месту рождения. Её отца называли Карлом Австрийским, пока он не стал императором. Её брата в детстве тоже звали Филиппом Австрийским. Это как если бы сегодня всех членов старинного рода, давно живущего в другой стране, продолжали называть по имени их родового замка. Такая же история и с Хуаной. Она — Австрийская по крови, хотя по духу и по жизни — испанка до мозга костей.

Теперь — внешность. Как она выглядела?

Сохранилось несколько портретов Хуаны Австрийской.

Самый известный написан Алонсо Санчесом Коэльо, придворным художником Филиппа II, около 1560 года. На нём мы видим молодую женщину в строгом чёрном платье — она носила траур по мужу всю оставшуюся жизнь. У неё бледная, почти прозрачная кожа — признак аристократизма в ту эпоху, когда загар считался уделом крестьян. Высокий лоб, тонкие черты лица, тёмные глаза, смотрящие внимательно и немного печально.

Была ли она красива? Современники считали, что да. Не той яркой, бросающейся в глаза красотой, которая бьёт наповал при первой встрече. Скорее — красотой тихой, аристократической, которая раскрывается постепенно. «Инфанта Хуана прекрасна той особой, габсбургской красотой, — писал венецианский посол. — В ней нет ничего кричащего, но есть гармония, которая заставляет вглядываться».

У неё были правильные черты лица — без той тяжёлой, выступающей челюсти, которая позже станет семейным проклятием Габсбургов. Ей повезло: челюсть ей досталась от матери, португальской принцессы Изабеллы, а не от отца. Она была стройна, среднего роста, с изящными руками — художники любили изображать её с чёткими или молитвенником, чтобы подчеркнуть красоту пальцев. И у неё были глаза — тёмные, глубокие, умные. Глаза, которые видели слишком много для своих лет.

Теперь — родители. Кто они?

Её отец — Карл V Габсбург, император Священной Рим-

ской империи, король Испании, Неаполя, Сицилии, владика Нидерландов и бескрайних земель за океаном. Человек, о котором говорили: «В его владениях никогда не заходит солнце». Суровый, замкнутый, глубоко верующий. Он провёл большую часть жизни в седле, воюя с французами, турками и протестантами. Он был не просто отцом Хуаны — он был воплощением власти, живым символом империи.

Её мать — Изабелла Португальская, дочь короля Мануэла I. Она была не просто женой императора, она была его единственной любовью. Их брак, начавшийся как политический союз, превратился в историю великой страсти — редчайший случай в истории Габсбургов. Современники описывали Изабеллу как женщину ослепительной красоты: светлые волосы, тёмно-янтарные глаза, кожа, напоминающая слоновую кость. Она была умна, образованна и обладала той внутренней силой, которая позволяла ей заменять мужа на троне во время его бесконечных отлучек.

Хуана унаследовала от матери многое: внешность, ум, спокойную властность. От отца — железную волю, глубокую религиозность и умение скрывать свои чувства. Она была идеальным продуктом двух великих династий: Габсбургов и Ависского дома, испанской короны и португальской крови.

Но почему она достойна целой книги? Разве мало в истории дочерей и сестёр великих людей, которые остались лишь тенью?

Хуана — исключение. Она не просто «сестра Филиппа II»

или «дочь Карла V». Она — женщина, которая в семнадцать лет осталась за старшего в империи и справилась с этой ролью так, что скептики прикусили языки. Она — вдова, которая потеряла мужа, не успев толком узнать его, и хранила ему верность до конца дней. Она — мать, у которой отняли сына сразу после рождения. Она — тайный член ордена иезуитов, единственная женщина в истории, официально принятая в это суровое мужское братство. Она — строительница одного из красивейших монастырей Мадрида, который до сих пор хранит её тайну.

Она — загадка. И эта книга — попытка разгадать её.

Глава 1: Безумная кровь

В которой история делает первый круг, и читатель знакомится с призраком, что вечно будет стоять за плечом нашей героини — Хуаной Кастильской, прозванной Безумной.

Существует старая кастильская пословица: «Кровь Габсбургов густа, как смола, и так же легко воспламеняется». Если это правда, то в жилах инфанты Хуаны Кастильской, третьего ребёнка и второй дочери католических королей Фердинанда и Изабеллы, текла не кровь — чистая магма.

Она родилась в 1479 году, в мире, стоявшем на пороге тектонических сдвигов. Её мать, железная Изабелла Кастильская, ещё не изгнала мавров из Гранады. Колумб ещё не ступил на землю Нового Света. Инквизиция только начинала свою мрачную работу. А сама Хуана была всего лишь ма-

ленькой принцессой с огромными, слишком серьёзными для ребёнка глазами и неожиданно светлыми волосами, доставшимися ей от английских прабабок.

Её не готовили в королевы. У неё были старшие брат и сестра. Её удел — династический брак, монастырь или, в лучшем случае, трон какого-нибудь второстепенного герцогства. Но судьба, этот жестокий драматург, уже точила свои ножи. Брат Хуан умер в девятнадцать лет. Сестра Изабелла — в двадцать восемь. Инфанта Маргарита — в младенчестве. Единственный выживший брат, болезненный мальчик, тоже вскоре скончался. Смерть, словно голодный кредитор, собирала долги с католических королей, забирая одного ребёнка за другим.

И внезапно Хуана, та самая «запасная» дочь, стала наследницей. Всей Кастилии. Всей Арагонской короны. Всего, что создали её родители.

Но до короны было ещё далеко. А пока — в 1496 году — шестнадцатилетнюю инфанту снарядили в далёкий путь. Фландрия. Бургундский двор. Её ждал жених.

Его звали Филипп. Филипп Габсбург, сын императора Максимилиана. В историю он войдёт под прозвищем «Красивый». И нужно отдать ему должное: он заслужил это прозвище сполна. Представьте себе юношу, словно сошедшего с полотен фламандских мастеров. Высокий, атлетически сложенный, с копной золотисто-русых волос и глазами цвета летнего неба. Он был великолепным наездником, азартным

охотником, душой любой компании. Бургундский двор, самый роскошный и развратный в Европе, боготворил его. Рядом с ним суровая, одетая в чёрное, молящаяся по пять часов в день испанка должна была выглядеть серой молью.

Но вышло иначе.

Увидев Филиппа, Хуана пропала. Это была не любовь с первого взгляда. Это было затмение. Удар молнии. Кораблекрушение. Она, воспитанная в строгости и молитвах, увидела воплощение всего земного, живого, яркого, чего была лишена. Он был солнцем, она — планетой, сорвавшейся с орбиты.

Педро Мартир д'Ангьера, хронист, оставил нам сухие, но красноречивые строки: «Инфанта проявляет к своему супругу такую пылкую привязанность, что это вызывает скорее удивление, нежели одобрение». Придворные выражались менее дипломатично. Они говорили: «Она пожирает его глазами». «Она не может прожить без него и часа». «Она ревнует его к воздуху, которым он дышит».

Филипп сначала был польщён. Ещё бы — красивая, страстная девушка, наследница могущественной короны, смотрит на него как на бога. Это тешило его самолюбие. Их первая брачная ночь, по слухам, была настолько бурной, что слуги за дверью краснели и крестились. Вскоре Хуана забеременела.

Но идиллия длилась недолго.

Филипп Красивый был Красивым не только лицом, но и

душой — красивой, пустой и холодной, как мраморная статуя. Он не понимал этой всепоглощающей, требовательной любви. Для него брак был сделкой, а постель — полем для развлечений. У него были фаворитки. Много. Он не считал нужным скрывать их. Напротив, это было частью бурбундского шика.

Для Хуаны это стало первым ударом ножа. Её ревность была не светской игрой, не кокетством. Это была агония. Одна из самых известных сцен, вошедшая во все хроники: Хуана застаёт мужа с одной из своих фрейлин, женщиной с роскошными длинными волосами. Инфанта, не говоря ни слова, выхватывает ножницы и бросается на соперницу. Она собственноручно отрезает ей волосы, крича, что эта «грива» больше не будет приманкой для развратника. Филипп, взбешённый не самой изменой (он считал её нормой), а публичным унижением, ударил жену по лицу и запер в покоях.

Она сидела там несколько дней. Не плакала. Не ела. Смотрела в одну точку. Именно тогда придворные впервые прошептали слово «безумна». Но что это было на самом деле? Современные психиатры, анализируя её поведение по документам, говорят о биполярном расстройстве, маниакально-депрессивном психозе, возможно, даже о шизофрении. Но был и другой диагноз, менее медицинский, но не менее точный: она была женщиной, которая осмелилась любить абсолютно, в мире, где женщине предписывалось любить умеренно и только с разрешения мужчины.

Шли годы. Хуана рожала детей одного за другим — императорам и королям нужно много наследников. Она кочевала между Испанией и Фландрией. Смерть продолжала свою жатву. Внезапно умерли все, кто стоял между ней и тронном. В 1504 году, после смерти матери, Изабеллы Кастильской, Хуана стала королевой Кастилии.

Это был не триумф. Это была катастрофа.

Её муж и её отец, два самых близких человека, немедленно объединились против неё. Им не нужна была полновластная королева. Им нужна была регентша, пешка, марионетка. Они использовали её «странности», её вспышки гнева и отчаяния, чтобы объявить её недееспособной. Фердинанд Арагонский и Филипп Красивый, ещё вчера ненавидевшие друг друга, заключили циничный союз. Труп великой Изабеллы ещё не остыл, а они уже делили шкуру Кастилии, оставив законную королеву в изоляции.

Хуана боролась. Она отказывалась подписывать указы, ущемлявшие её власть. Она кричала на советников. Она демонстрировала ясность ума в те редкие моменты, когда ей давали слово. «Я — королева, — повторяла она, — и никто не отнимет у меня то, что дано мне Богом».

Но судьба нанесла последний удар. Тот самый, который окончательно разбил её рассудок. В сентябре 1506 года Филипп Красивый, молодой, полный сил, простудился после игры в мяч. Лихорадка. Через несколько дней его не стало. Ему было двадцать восемь лет.

И вот тут-то и начинается легенда. Легенда о Безумной королеве, которая отказалась хоронить мужа. Которая приказала забальзамировать его тело и возила гроб с собой по всей Кастилии. Которая не позволяла женщинам приближаться к покойному, движимая посмертной ревностью. Которая, как гласит самая мрачная из легенд, иногда приказывала открывать гроб, чтобы обнимать и целовать разлагающиеся останки.

Правда это или вымысел? Скорее всего, и то и другое. Она действительно путешествовала с телом мужа больше года. Она действительно отказывалась хоронить его. Но не потому, что была сумасшедшей в клиническом смысле. Она была безумна от горя. От любви, которой некуда было деться. От предательства, которое замкнуло круг.

Её отец, «мудрый» Фердинанд, быстро решил проблему. Он запер дочь в замке Тордесильяс, под надзором. Там, в комнатах с видом на внутренний двор, Хуана Безумная, законная королева Кастилии, прожила ещё сорок шесть лет. Сорок шесть лет заточения. Её сын, Карл, ставший императором, редко навещал мать. Он вырос, зная, что бабушка безумна, а мать — «немного не в себе». Он знал, что эта кровь течет и в его жилах. И в жилах его детей.

Тень Тордесильяса легла на всю династию Габсбургов. Каждый нервный срыв, каждая мигрень, каждая вспышка гнева у Филиппа II, у его сестёр и братьев немедленно вызывали шепоток: «Это безумная кровь. Это Хуана».

Вот в каком наследстве предстояло родиться нашей героине. Хуана Австрийская, названная в честь этой самой бабушки-призрака, с самого первого вздоха несла на себе двойное бремя: бремя величия своей семьи и бремя её проклятия. Её жизнь станет попыткой доказать, что сила воли может обуздать хаос крови. Что можно быть глубоко чувствующей, но не безумной. Что можно быть страстной, но не сломленной.

Но это всё впереди. А пока в замке Тордесильяс, продуваемом всеми ветрами, сидит старая, сторбленная женщина с потухшими глазами и смотрит в стену. Она — живое предостережение. Она — призрак, который будет преследовать весь род.

Глава 2: Император и императрица

В которой династический брак оборачивается историей великой любви, а император теряет единственное, что делало его человеком.

В 1526 году в Севилье случилось то, чего никто не ожидал от брака, заключённого по расчёту. Случилась любовь. Настоящая, глубокая, оглушительная — та самая, которую поэты воспевают в сонетах, а историки обычно игнорируют, считая слишком неправдоподобной для политических союзов. Но в случае Карла V и Изабеллы Португальской историкам пришлось смириться с фактами.

Ему было двадцать шесть лет — самому могущественному человеку в мире. Император Священной Римской империи, король Испании, Неаполя, Сицилии, владыка Нидер-

ландов и бескрайних земель за океаном, над которыми, по его собственному чеканному выражению, «никогда не заходит солнце». Карл V Габсбург был фигурой титанической. Высокий лоб, тяжёлая челюсть — знаменитая «габсбургская челюсть», которая к тому моменту ещё не достигла крайних форм, — цепкий, умный взгляд. Он не был красив в классическом смысле, но от него исходила почти осязаемая аура власти и сдержанной силы.

Он уже успел повоевать, поправить, издать указы, низложить королей. Но он ещё не успел жениться. Династический брак был делом решённым: кандидатуру прислали из Португалии. Инфанта Изабелла, дочь короля Мануэла I, приходилась Карлу двоюродной сестрой. Ей был двадцать один год. Её портреты, отправленные в Испанию для предварительного одобрения, изображали миловидную девушку с тонкими чертами лица и светлыми волосами. Но портреты часто льстят.

Когда Изабелла сошла с корабля в Севилье, столичный двор ахнул. Она была не просто миловидна — она была ослепительна. Высокая, стройная, с кожей, напоминающей слоновую кость, и глазами цвета тёмного янтаря. Она держалась с достоинством королевы, но без чопорности. Улыбалась искренне, двигалась грациозно. От неё веяло не холодным величием, а какой-то внутренней гармонией, спокойной и светлой.

Карл, увидев её, забыл о политике. Это был тот самый

«coup de foudre» — удар молнии, — который он, сухой прагматик, вряд ли ожидал от себя. Свадьба состоялась в марте, в Алькасаре Севильи, с невероятной для того времени пышностью. Но самое интересное началось после.

Вопреки всем обычаям, они почти не расставались. Карл, вечный странник, человек, который проведёт в дороге большую часть своего царствования, вдруг обрёл якорь. Он брал Изабеллу с собой в поездки, что было почти неслыханно для королевы. Когда государственные дела заставляли его уезжать одного, он писал ей письма. Длинные, подробные, полные нежности и тревоги. Он называл её «моя единственная», «свет моей души». В архивах сохранились эти послания, и они поражают историков своей интимностью. Император, чьё слово двигало армиями и низвергало троны, писал жене о том, как скучает по её голосу, как ему холодно без неё, как он считает дни до встречи.

«Я так тоскую по Вам, — писал он из очередного военного лагеря, — что, кажется, ни одна победа не принесёт мне радости, пока я вновь не увижу Ваше лицо».

Изабелла отвечала ему тем же. Она была не просто женой, она была его доверенным лицом, его главным советником. Когда Карл уезжал, именно она становилась регентом Испании — и справлялась с этим блестяще, с той спокойной, умной распорядительностью, которая позже передастся её дочери. Она вникала в финансы, вела дипломатическую переписку, гасила внутренние конфликты. И всё это — рожая де-

тей одного за другим.

Их семейная жизнь была на удивление гармонична. Филипп, их первенец, будущий король Испании, родился в 1527 году. Затем Мария — в 1528-м. Затем Фердинанд — в 1530-м. Дети росли в атмосфере пусть и строгой, но наполненной родительской заботой, что было редкостью для королевских семей того времени. Изабелла сама следила за их образованием, сама выбирала учителей.

Но эта идиллия имела свою цену. Изабелла была хрупкой. Частые беременности и роды истощали её организм. Она страдала от лихорадок, мигреней и какой-то постоянной, изматывающей усталости. Придворные врачи пускали ей кровь, прописывали травяные настои и молитвы, но помочь ничем не могли. Карл, занятый войнами, не всегда мог быть рядом. Его письма в эти периоды становятся всё более тревожными, почти паническими. «Берегите себя, умоляю, — пишет он ей. — Вы — моё единственное утешение в этой юдоли скорби».

В 1535 году Изабелла снова ждала ребёнка. Этим ребёнком должна была стать наша героиня — Хуана.

Роды были тяжёлыми. Очень тяжёлыми. Толедский алькасар, где проходили роды, погрузился в молчаливый ужас. Императрица кричала двое суток. Карл, как назло, был в Тунисе, воевал с пиратами Барбароссы. Гонцы мчались через море и горы, но новости запаздывали. Наконец, 24 июня, в день Святого Иоанна Крестителя, Изабелла разрешилась от

бремени. Девочка. Крепенькая, здоровая. Императрица, измученная до полусмерти, взяла младенца на руки и, по свидетельству фрейлин, слабо улыбнулась.

Казалось, худшее позади.

Но худшее только начиналось. Через несколько дней начался послеродовой сепсис. Инфекция, с которой медицина XVI века не могла бороться. Изабелла таяла на глазах. Врачи разводили руками. Священники шептали отходные молитвы.

Карл, получив известие о болезни жены, бросил всё. Он мчался в Испанию, загоня лошадей, не спя ночами. Но расстояние было слишком велико. Он не успел.

Первого мая 1539 года, когда Хуане не исполнилось и четырёх лет, Изабелла Португальская, императрица Священной Римской империи, королева Испании, «свет души» самого могущественного человека Европы, скончалась. Ей было тридцать пять лет.

Карл узнал о её смерти на полпути. Он заперся в своей палатке и не выходил три дня. Никто не смел войти к нему. Слышали только глухие рыдания. Этот человек, прошедший десятки битв, видевший тысячи смертей, был сломлен. По-настоящему, бесповоротно сломлен.

Он так и не оправился от этой потери. Всю оставшуюся жизнь он носил чёрное. Он приказал написать портрет Изабеллы, с которого никогда не спускал глаз. Он стал ещё более мрачным, ещё более замкнутым. Его вера, и до того глу-

бокая, теперь приобрела оттенок исступлённого аскетизма. Он искал смерти не на поле боя, а в монашеской келье, в отречении от всего, что напоминало о счастье. Именно смерть Изабеллы, как считают многие историки, стала главной причиной его решения отречься от престола и уйти в монастырь Юсте. Он устал от мира, в котором её больше не было.

А маленькая Хуана? Она почти не помнила мать. Слишком мала была. Но она росла в мире, пропитанном скорбью по этой женщине. Каждое упоминание об Изабелле при дворе сопровождалось вздохами и слезами. Каждый портрет императрицы был объектом поклонения. Её отец-император, когда смотрел на дочь, видел в её чертах черты умершей жены — и от этого его любовь к Хуане была смешана с острой болью. Девочка с самого начала знала: её мать была святой. Её мать была идеалом. Её мать умерла, давая ей жизнь.

Это чувство вины — не рациональное, детское, глубинное — пройдёт с Хуаной через всю жизнь. Она всегда будет стараться быть достойной той, кого не помнила. Всегда будет искать материнскую фигуру — и найдёт её в Деве Марии, в Церкви, в строгой дисциплине иезуитов. Её собственная история станет попыткой восполнить ту пустоту, что образовалась в 1539 году в толедском алькасаре.

Но это будет потом. А пока над Испанией стоит чёрная тень императорского горя. И в этой тени растёт маленькая инфанта с глазами матери и судьбой, которая ещё только начинает свой извилистый путь.

Глава 3: Дети империи

В которой трое сирот при живом отце учатся жить в золотой клетке, а юный Филипп обретает самую верную союзницу в лице младшей сестры.

Толедский алькасар, середина 1540-х годов. Со стороны могло показаться, что дети императора Карла V живут в раю. Огромные залы, украшенные гобеленами с сюжетами из рыцарских романов. Собственная часовня с алтарём, расписанным лучшими мастерами фламандской школы. Десятки слуг, гувернанток, учителей. Лучшие музыканты Испании, готовые играть для них в любой час. Столы, ломящиеся от яств. Но дети, как известно, не едят гобелены и не играют с политическими союзами. Им нужны родители. А родителей не было.

Отец, император Карл, вечно находился в разъездах. Сегодня — Нидерланды, завтра — Германия, послезавтра — война с французами или турками. Это была не прихоть, а суровая необходимость управления империей, разбросанной по всей Европе. Он любил своих детей, но его любовь выражалась в письмах, полных наставлений и тревоги, а не в объятиях и играх. Мать, Изабелла, покоилась в могиле. Дети императора были сиротами при живом, но вечно отсутствующем отце.

Филиппу, наследнику престола, было около двенадцати, когда в этой книге он впервые предстаёт перед нами как осознанная личность. Узкоплечий, бледный, с непропорци-

онально большой головой и характерной габсбургской челюстью, которая с годами станет только массивнее. Он не был красивым ребёнком. Но взгляд — внимательный, острый, как скальпель — выдавал недюжинный ум. Его с младенчества учили быть королём, и это учение было безжалостным. Ему внушали, что эмоции — это слабость. Что доверять нельзя никому. Что каждый его шаг будет оцениваться, обсуждаться и записываться в анналы истории.

Испанский двор, которым заправляли вельможи и священники, культивировал в нём эту подозрительность. Маленькому принцу показывали бухгалтерские книги его собственных будущих владений раньше, чем рыцарские романы. Он часами просиживал в заседаниях Совета, слушая, как седобородые гранды спорят о налогах на шерсть и военных ассигнованиях. Он должен был стать идеальной машиной для управления империей — и воспитание успешно превращало его в неё.

Но в этой машине билось живое, спрятанное глубоко сердце. И единственным человеком, с которым это сердце могло говорить без страха, была младшая сестра.

Мария, вторая сестра, была на два года старше Хуаны и на шесть лет младше Филиппа. Она росла тихой, благочестивой и несколько отстранённой. Её судьба была predetermined заранее: ей предстояло стать разменной монетой в династических браках, и она это знала. Впоследствии так и вышло: Мария вышла замуж за императора Максимилиана II, своего

двоюродного брата, и уехала в Австрию. Она была хорошей сестрой, но не близкой подругой. Её душа была обращена в будущее, в туманные дали германских земель.

Хуана была иной. Младшая. Потерявшая мать в четыре года. Серьёзная не по годам. Там, где другие дети шумно играли, она сидела с книгой или молитвенником. Там, где другие плакали, она сжимала зубы. Она рано поняла: мир — это место, где боль неизбежна, и единственное, что ты можешь контролировать, — это свою реакцию на неё. Это было габсбургское наследие, помноженное на личную трагедию.

Именно к ней, самой младшей, Филипп, будущий король-паук, тянулся всей душой. Почему? Возможно, потому что она не представляла для него политической угрозы. В отличие от сыновей, которых у него ещё не было, сестра не могла претендовать на его трон. Возможно, потому что она видела в нём не просто наследного принца, а человека. Она не боялась его мрачного настроения, его вспышек гнева, его холодности. Она понимала, что это — броня, а не сущность.

Их дружба зародилась в тишине толедских покоев. Они вместе учились — латынь, греческий, история, богословие. Учителя, среди которых были выдающиеся гуманисты, не могли нарадоваться на способности юной инфанты. Она схватывала всё на лету, задавала вопросы, которые ставили взрослых в тупик. «Почему Бог допускает страдания невинных?», «Может ли король быть неправым, если действует во благо государства?». Филипп, сам обладавший аналитиче-

ским умом, с удовольствием обсуждал с ней эти темы, находя в сестре равного интеллектуального спарринг-партнёра.

Она стала его доверенным лицом. Когда он, тринадцатилетний, терзался сомнениями, достоин ли он короны, она говорила ему: «Ты будешь великим королём, потому что сомневаешься. Плохие короли не сомневаются». Это была поразительная мудрость для десятилетнего ребёнка. Но Хуана и была поразительным ребёнком.

Придворные сплетничали. Они видели, как наследник предпочитает компанию младшей сестры шумным играм со сверстниками. Кто-то ворчал: «Инфанта слишком умна для своего пола. Это не к добру». Кто-то с тревогой вспоминал Хуану Безумную: «Эта девочка тоже слишком серьёзна. Не сошла бы с ума, как бабка». Но они ошибались. Хуана не была безумна. Она была одинока. И в этом одиночестве она выработала иммунитет против безумия — абсолютный самоконтроль.

Забавный эпизод, сохранившийся в воспоминаниях одной из фрейлин: однажды маленькая Хуана упала в саду и сильно расшибла колено. Рана была глубокой, кровь текла ручьём. Она не заплакала. Она посмотрела на свою испуганную гувернантку и спокойно сказала: «Слёзы не залечат рану. Позовите лекаря». Ей было восемь лет.

Этот самоконтроль, это умение смотреть в лицо боли не отводя глаз, станет её визитной карточкой. Оно закалит её перед будущими испытаниями: вдовством, разлукой с сы-

ном, бременем регентства. Оно же, в конечном счёте, приведёт её к иезуитам — ордену, который превыше всего ценил дисциплину духа и умение подчинять эмоции высшей цели.

Но пока до этого далеко. Пока она просто растёт. Она учится танцевать (и делает это хорошо, хотя без особого удовольствия), играть на клавикорде (и делает это прекрасно), вышивать (это ей скучно). Она заучивает наизусть длинные отрывки из Писания и житий святых. Её любимая святая — Тереза Авильская, с которой она, возможно, будет пересекаться позже, и чья мистическая, но строгая вера будет так созвучна её собственной.

Филипп, когда его не муштровали на Совете, приходит к ней в покои. Они сидят у окна, выходящего на выжженные солнцем холмы Кастилии. Он рассказывает ей о политике, о том, что сказал посол Франции, о том, какую хитрость замышляет их отец. Она слушает, задаёт точные вопросы, иногда даёт советы. И он слушает её. Уже тогда, в этих отроческих беседах у окна, закладывался фундамент той уникальной политической роли, которую Хуана будет играть десятилетия спустя. Она становилась не просто сестрой, а «теневым министром», чьё влияние было огромным именно потому, что было неформальным и невидимым для посторонних.

Дети империи росли в золотой клетке, под бременем великого наследия и страшной наследственности. Но пока они были вместе, они не были одиноки. Они были командой. Филипп и Хуана — брат и сестра, наследник и его тень, буду-

щий король-паук и будущая тайная иезуитка. Союз, который удивит мир.

И этот союз вскоре подвергнется первому серьёзному испытанию. Потому что приближался 1552 год, и Хуану, ещё совсем юную, уже готовили к отправке в Португалию. К человеку, которому суждено было стать её мужем, отцом её ребёнка и первой великой любовью, которую она потеряет.

Глава 4: Смерть в алькасаре

В которой четырёхлетняя инфанта впервые сталкивается со смертью, а император теряет смысл жизни.

Толедо, конец апреля 1539 года. Весна в Кастилии — время беспощадное. Днём солнце раскаляет древние камни алькасара так, что к ним невозможно прикоснуться. Ночью с гордует ледяной ветер, заставляющий слуг кутаться в плащи и плотнее закрывать ставни. В этом контрасте, в этой борьбе жары и холода, было что-то зловещее, словно сама природа предупреждала о грядущей беде.

Императрица Изабелла угасала уже несколько дней. То, что началось как обычная послеродовая слабость — обычное дело для женщин, только что разрешившихся от бремени, — быстро превратилось в нечто гораздо более страшное. Жар, озноб, бред. Придворные лекари, важные мужчины в чёрных мантиях, пускали ей кровь, прикладывали к животу горячие компрессы, смоченные в травяных отварах, читали молитвы. Ничто не помогало. Инфекция, попавшая в кровь во время родов, медленно и неотвратимо пожирала её изнутри.

В детских покоях, расположенных в другом крыле алькасара, стояла непривычная тишина. Маленькая Хуана, которой не было и четырёх лет, не понимала, что происходит. Она только чувствовала: что-то изменилось. Слуги ходят на цыпочках и говорят шёпотом. Гувернантка, обычно строгая, но ровная, то и дело утирает глаза платком. Брат Филипп, которому скоро должно было исполниться двенадцать, не приходит к ней, не играет, не читает вслух латинские стихи. Он где-то там, во взрослой части дворца, и лицо у него, как она успела заметить мельком, бледное и напряжённое.

Что такое смерть, Хуана ещё не знала. Ей объясняли про рай, про ангелов, про то, что хорошие люди после смерти отправляются к Богу. Но это были слова, абстракции. Она не могла связать их с реальностью. С реальностью, в которой мама — красивая, тёплая, пахнущая какими-то сладкими цветами — вдруг перестала приходить по вечерам, чтобы поцеловать её перед сном.

Вечером тридцатого апреля над Толедо разразилась гроза. Молнии били в шпили собора, гром сотрясал стены алькасара. В детской было темно, горело лишь несколько свечей. Хуана сидела на своей маленькой кровати, прижимая к груди тряпичную куклу — единственную игрушку, к которой она была по-настоящему привязана. Кукле она дала имя Мама. Детская логика, бессознательная, но от этого не менее трагичная.

Где-то за полночь, когда гроза начала стихать, в коридоре

послышались тяжёлые шаги. Дверь приоткрылась, и вошла одна из старших фрейлин императрицы. Лицо её было залито слезами. Она подошла к гувернантке, что-то прошептала ей на ухо. Та перекрестилась и заплакала.

Маленькая Хуана смотрела на них широко раскрытыми глазами. Она не плакала. Она просто смотрела.

На следующее утро её одели в чёрное. Чёрное платье, чёрные ленты в волосах, чёрные туфельки. Она не сопротивлялась, не капризничала, не спрашивала «почему?». Она уже начинала понимать: вопросы здесь не помогают. Ответов всё равно не получишь. Или, что хуже, ответы будут такими, что лучше их не знать.

Её отвели в часовню. Там, перед алтарём, стоял гроб. Открытый. В гробу лежала Изабелла. Она была одета в белое — цвет траура испанских королей, — и руки её были сложены на груди. Лицо, обрамлённое светлыми волосами, было спокойным и отрешённым. Она больше не была похожа на ту маму, которую помнила Хуана. Она была похожа на статую. На красивую, холодную, чужую статую.

Хуану подвели к гробу. Она смотрела на мать долго, очень долго — сколько может смотреть четырёхлетний ребёнок, которого никто не торопит. Она не плакала. Она стояла и смотрела, и в голове её происходила какая-то огромная, непосильная для её возраста работа.

Потом она повернулась к гувернантке и спросила — тихо, но внятно: «Мама теперь всегда будет спать?»

Это был единственный раз, когда она заговорила о смерти матери. Впоследствии, став взрослой, она никогда — или почти никогда — не упоминала Изабеллу в разговорах. Только в письмах к брату иногда проскальзывала фраза: «Как жаль, что её нет с нами». Но это «жаль» было сказано так скупое, так по-габсбургски, что за ним трудно было разглядеть ту бездну, которая открылась в душе маленькой инфанты в апреле 1539 года.

Император Карл V узнал о смерти жены, когда был в пути. Он опоздал. Он не простился, не держал её за руку в последние минуты, не услышал последних слов. Это станет его незаживающей раной. Он вернётся в Испанию уже другим человеком — ещё более замкнутым, ещё более мрачным. Его чёрный костюм, который он не снимет до конца жизни, станет символом не только траура, но и его отречения от мира.

Он приехал в Толедо через несколько недель после похорон. Его встреча с детьми была тяжёлой. Филипп, по-взрослому сдержанный, выдержал аудиенцию с отцом с каменным лицом, но потом, выйдя, долго стоял у окна, сжимая кулаки. Мария тихо плакала в углу, и никто не мог её утешить.

А Хуана? Когда ей сказали, что приехал отец, она замерла. Она не видела его много месяцев. Он был для неё почти чужим. Когда её привели к нему, она посмотрела на высокого, сгорбленного человека в чёрном, с осунувшимся лицом и красными от слёз глазами, и не узнала в нём того весёлого

мужчину, который когда-то подбрасывал её к потолку в редкие моменты приездов.

Карл опустился перед ней на колени — император, владыка полумира, опустился на колени перед четырёхлетней девочкой — и заключил её в объятия. Он прижимал её к себе слишком сильно, до боли. Он не говорил ни слова, только глухо дышал, и плечи его вздрагивали.

Хуана не шевелилась. Она терпела. Она не обняла его в ответ. Но она и не отстранилась. Она просто стояла, неподвижная, как маленькое изваяние, и смотрела поверх его плеча на стену. В этот момент между ними установилась связь, которую трудно описать словами. Он видел в ней тень Изабеллы — её черты, её светлые волосы, её спокойный взгляд. И эта тень одновременно мучила его и давала единственное утешение.

Для Хуаны же этот момент стал ещё одним уроком. Она поняла: любовь — это боль. Любить — значит терять. Тот, кого ты любишь, либо уходит, либо умирает. Единственный способ не страдать — не привязываться. Или, если привязываться, то держать эту привязанность под таким контролем, чтобы никто не догадался о её существовании.

Этому уроку она будет следовать всю жизнь. Она будет любить брата, но никогда не покажет ему всей глубины своей тревоги за него. Она будет любить сына, но смирится с разлукой. Она будет любить Бога, но выберет путь тайного, скрытого от мира служения.

А пока в алькасаре Толедо, в комнате с видом на реку Тахо, четырёхлетняя девочка в чёрном платье стоит перед зеркалом и смотрит на своё отражение. У неё глаза матери. Волосы матери. Овал лица матери. Она — живой портрет умершей.

«Вылитая императрица», — шепчутся за её спиной фрейлины.

Она слышит. И ничего не отвечает.

Она уже учится быть памятником.

Глава 5: Странствующий отец

В которой император бежит от горя в бесконечные дороги, а его дети учатся жить без него.

Есть старая кастильская поговорка: «Император — это человек, у которого нет дома». Карл V мог бы сделать её своим девизом. За сорок лет правления он провёл в седле и в каретах больше времени, чем любой другой европейский монарх. Он пересекал Альпы, Пиренеи, германские равнины, фламандские болота. Его называли «странствующим императором», и это была не метафора — это была констатация факта.

После смерти Изабеллы эта страсть к движению превратилась в одержимость. Он не мог усидеть на месте. Стены дворцов давили на него, напоминая о той, кого больше нет. Каждая комната в алькасаре, каждый сад, каждая часовня были пропитаны её присутствием. Единственный способ не сойти с ума от горя — бежать. И он бежал. В Священную Римскую

империю, где протестанты угрожали единству империи. В Нидерланды, где назревал бунт. В Италию, где французы в очередной раз перешли границу. Война, политика, дипломатия — всё это стало не просто долгом, но и наркомом.

Для его детей это означало одно: они росли без отца.

Конечно, формально всё было обставлено наилучшим образом. Маленький Филипп, как наследник, имел собственный двор, собственных советников, собственных учителей. Мария и Хуана находились под опекой тщательно отобранных гувернанток, среди которых выделялась донья Леонор де Маскареньяс, женщина строгая, но справедливая, заменившая им мать в той степени, в какой это вообще было возможно. Дети были одеты, обуты, накормлены, обучены. О них заботились.

Но забота — это не любовь. А любовь Карла V выражалась в письмах.

Эти письма — уникальный исторический документ. Тысячи страниц, исписанных мелким, убористым почерком. Из Брюсселя, из Аугсбурга, из Вены, из Неаполя. Император писал детям регулярно, раз в несколько недель, иногда чаще. Он спрашивал об их здоровье, об учёбе, о том, как они ладят друг с другом. Он давал наставления. «Будьте благочестивы, — писал он Филиппу. — Помните о Боге. Без Него нет победы». «Будьте бережливы, — наставлял он Марию. — Корона не так богата, как кажется». «Будьте скромны и послушны», — обращался он к Хуане.

Письма были полны отеческой тревоги, но они были холодны. В них не было теплоты, не было простых человеческих слов: «я скучаю», «я люблю тебя», «ты мне нужен». Карл не умел выражать такие чувства на бумаге. Возможно, он и в жизни их выражал с трудом. Габсбургская сдержанность, помноженная на императорское величие, превращала его в статую ещё при жизни. Дети читали его письма, возможно, перечитывали, но находили в них не утешение, а новые инструкции.

Ещё реже, чем письма, случались приезды. Когда император возвращался в Испанию — это было событие государственного масштаба. Города, через которые он проезжал, украшались флагами и гобеленами. Звонили колокола. Гремели пушки. Дети ждали его с трепетом, который быстро сменялся разочарованием — во всяком случае, для младших.

Приезд отца означал не игры и не семейные ужины. Он означал смотры. Проверки. Экзамены. Филипп должен был продемонстрировать знание латыни и государственного устройства. Мария — успехи в музыке и рукоделии. Хуана — чтение молитв. Император слушал, кивал, делал замечания. Иногда хвалил — скупой, одной-двумя фразами, которые дети потом вспоминали месяцами.

Однажды, когда Хуане было лет семь, Карл, приехавший на короткую побывку, застал её в саду. Она сидела на каменной скамье и читала что-то, слишком сложное для её возраста.

та. Он подошёл неслышно (несмотря на подагру, ходил он всё ещё бесшумно, как охотник) и заглянул через плечо. Это был томик житий святых на латыни.

— Ты понимаешь, что читаешь? — спросил он с сомнением.

— Не всё, Ваше Величество, — ответила девочка, вставая и делая реверанс. Голос её был спокоен, взгляд — прям. — Но я прошу отца-наставника объяснять непонятные места.

Император помолчал. Потом кивнул и положил руку ей на голову. Этот жест — тяжёлая, мозолистая от поводов рука на светлых детских волосах — был единственной лаской, которую Хуана запомнила.

— Ты умна, — сказал он. — Умнее многих. Не теряй этого.

И ушёл. На следующий день он снова уехал — на войну, в Священную Римскую империю. Хуана ещё долго вспоминала этот разговор. Он стал для неё своего рода благословением. Отец признал её ум. Это что-то значило. Это было оружие, которое он ей вручил, сам того не зная.

Но были и другие последствия у такого детства. Постоянное отсутствие отца и матери породило в детях Карла особую, сложную форму привязанности. Они привыкли рассчитывать только на себя и друг на друга. Их связь стала крепче, чем обычно бывает у братьев и сестёр. Филипп, сам ещё подросток, стал для сестёр почти отцовской фигурой — настолько, насколько это возможно для мальчика, которого са-

мого ещё не научили справляться с собственными эмоциями.

Особенно это касалось Хуаны. Она, самая младшая, замкнулась сильнее всех. Она научилась жить в своём внутреннем мире, в мире книг и молитв, и этот мир был настолько богат, что внешнее одиночество уже не так сильно ранило. Она построила вокруг себя невидимую крепость, и с каждым годом эта крепость становилась всё выше и прочнее.

Император между тем продолжал свой бесконечный путь. Войны сменялись перемириями, победы — поражениями, но одно оставалось неизменным: его отсутствие. Он старел, дряхлел, подагра терзала его суставы всё сильнее. В редкие приезды он уже не мог ходить без трости. Его лицо, когда-то полное энергии, осунулось и покрылось морщинами. Он всё чаще говорил о смерти, о бренности всего сущего, о желании уйти в монастырь.

Дети смотрели на него и видели, как великан превращается в тень. Это было страшно и поучительно одновременно. Власть, слава, огромные территории — всё это не спасает от старости, болезней и одиночества. Всё это не вернёт любимую женщину. Всё это, в конечном счёте, прах.

Хуана впитывала этот урок молча. Она видела, как отец, самый могущественный человек в христианском мире, плачет по ночам — об этом шептались слуги. Она понимала: внешняя сила — ничто без внутренней крепости. И она продолжала строить эту крепость внутри себя. Кирпич за кирпичем.

пичом. Молитва за молитвой. Книга за книгой.

Она ещё не знала, что совсем скоро эта крепость ей очень пригодится. Потому что отец готовился к шагу, который потрясёт всю Европу. Он решил отречься от престола. И перед уходом он собирался передать ей то, что обычно не доверяют семнадцатилетним девушкам: корону.

Глава 6: Уроки королевы

В которой юная инфанта обнаруживает, что знания — это единственное оружие, которое нельзя отнять, и находит утешение в латыни, богословии и искусстве задавать неудобные вопросы.

Если бы в середине XVI века существовал рейтинг образованных женщин Европы, Хуана Австрийская заняла бы в нём одно из первых мест. Она принадлежала к редкому типу людей, для которых учёба — не повинность, а наслаждение. Которые читают не потому, что надо, а потому, что не могут не читать. Которые задают вопросы не для того, чтобы блеснуть, а потому, что им действительно нужно знать ответ.

Откуда это взялось? Возможно, от отца. Карл V, при всей своей солдафонской грубоватости, был человеком широкого кругозора. Он говорил на нескольких языках, ценил искусство, вёл переписку с гуманистами. Возможно, от матери — Изабелла Португальская слыла одной из самых начитанных женщин своего времени. А возможно, это был её собственный, уникальный дар: острый, как толедский клинок, ум, который требовал постоянной работы.

Её образование началось рано — как только она научилась читать, а читать она научилась в четыре года. Сначала — молитвы, детский катехизис, жития святых. Потом — латынь. Латынь была ключом ко всему: к науке, к дипломатии, к Церкви. Без латыни человек оставался на периферии интеллектуальной жизни. Хуана вгрызалась в латынь с жадностью. Она заучивала склонения и спряжения, часами сидела над текстами, водя пальцем по строчкам и беззвучно шевеля губами.

Её главным наставником был Хуан Мартинес де Силисео — человек удивительной судьбы. Он родился в бедной крестьянской семье, но благодаря феноменальным способностям сумел подняться до сана архиепископа Толедского и кардинала. Он был не просто учителем, он был живым доказательством того, что ум и труд способны преодолеть любые сословные барьеры. Маленькая инфанта, сидевшая перед ним за дубовым столом, интуитивно чувствовала эту ауру человек, сделавший себя сам, и это производило на неё огромное впечатление.

Силисео учил её не только латыни. Он учил её мыслить. Они разбирали тексты Цицерона, Сенеки, отцов Церкви. Он задавал ей вопросы, на которые не было однозначного ответа, и требовал аргументировать свою позицию. «Почему Августин считает, что благодать важнее свободы воли? Согласна ли ты с этим? Почему?» Девочка думала, хмурила брови, формулировала ответ — и часто её ответы поражали стари-

ка своей глубиной.

Но латынь и философия были лишь частью программы. Хуана изучала греческий — правда, в меньшем объёме, — историю, географию, математику, астрономию. Её учили музыке: она играла на клавикорде и, по свидетельству современников, обладала приятным, хотя и не сильным голосом. Её учили танцам — это был обязательный элемент придворного этикета, и она танцевала хорошо, но без страсти, словно выполняя очередной урок. Её учили рукоделию — вышивке, плетению кружев, — и вот это ей откровенно не нравилось. Слишком монотонно, слишком бессмысленно. Иголка не задаёт вопросов, нитка не отвечает.

Но подлинной её страстью были книги. Библиотека алькасара стала для неё вторым домом. Она проводила там часы, перебирая фолианты, вдыхая запах старой бумаги и кожи. Она читала жития святых, труды мистиков, исторические хроники. Особенно её привлекали женщины, сумевшие реализовать себя в мужском мире: святая Тереза Авильская, чьи реформы кармелитского ордена всколыхнули всю Испанию; Изабелла Кастильская, её бабка, создавшая империю; даже загадочная Хуана Безумная, о которой она знала больше, чем показывала.

Силисео умер, когда Хуане было около пятнадцати. Это была потеря. Но к тому времени она уже научилась учиться самостоятельно. Её новым наставником стал Франсиско де Борха — тот самый, что позже сыграет ключевую роль в её

посвящении в иезуиты. Пока же он был просто одним из самых блестящих умов Испании, человеком, сочетавшим аристократическое происхождение с глубокой, почти мистической религиозностью. Он видел в Хуане не просто ученицу, но родственную душу, и их беседы становились всё более доверительными и глубокими.

Именно Борха первым заметил в ней ту особую, напряжённую духовность, которая отличает будущих святых от просто набожных людей. Хуана не просто верила в Бога — она искала с Ним прямого, личного контакта, без посредников. Она молилась не по обязанности, а по внутренней потребности. Она часами стояла на коленях в часовне, и это не было позой или демонстрацией. Это был разговор.

Но при всём своём благочестии она оставалась дочерью императора и сестрой наследного принца. Политика вторгалась в её жизнь постоянно. Уроки государственного управления не были для неё формальными — она с детства видела, как работает (и как не работает) имперская машина. Она присутствовала на некоторых заседаниях Совета — разумеется, молча, сидя в углу с рукоделием, которое никогда не продвигалось дальше первого стежка. Но её глаза и уши работали. Она запоминала, кто из грандов враждует с кем, какие налоги вызывают недовольство, как отец или брат решают тот или иной конфликт.

Её брат Филипп, сам погружённый в учёбу и управление, часто обсуждал с ней государственные дела. Это была их тай-

ная игра: он излагал ей какую-нибудь сложную дипломатическую коллизию, а она должна была предложить решение. И часто её решения были не просто разумными — они были блестящими. «Ты родилась не в то время, сестра, — сказал он ей однажды полушутя-полусерьёзно. — Будь ты мужчиной, из тебя вышел бы великий король». Она улыбнулась в ответ, но где-то внутри у неё кольнуло. Да, она не была мужчиной. Но это не значило, что она не может править.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.